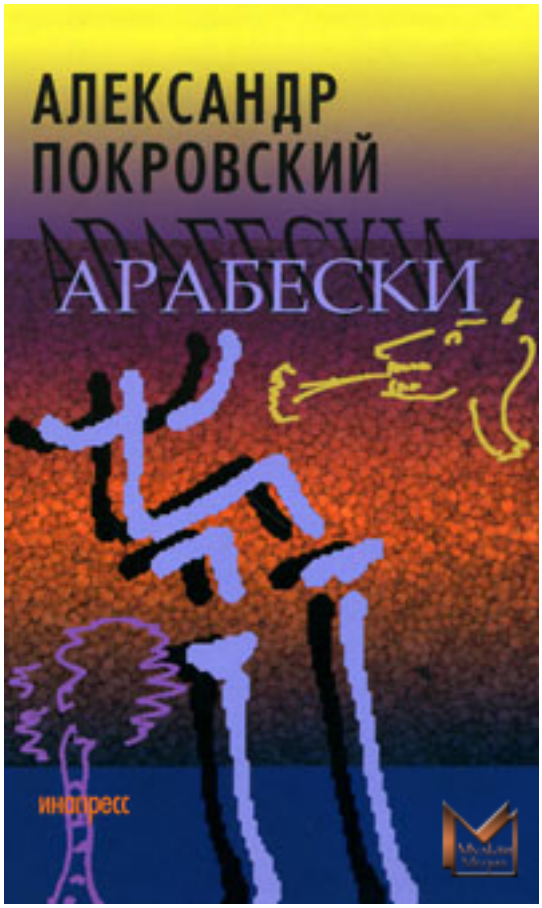

АЛЕКСАНДР
ПОКРОВСКИЙ
АРАБЕСКИ
ИНОСТРЕСС

Александр Михайлович Покровский
Арабески

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6601037
А. Покровский: Арабески: ООО «ИНАПРЕСС»; СПб; 2010
ISBN 978-5-87135-220-5

Аннотация

Замечательный русский прозаик Александр Покровский, автор знаменитых книг «Расстрелять!», «72 метра» и многих других, собрал под одной обложкой свои «арабески». Не только собрал, но и проиллюстрировал, подчеркивая (в прямом и переносном смысле) живость и виртуозность прекрасного литературного жанра, исчезающего к сегодняшнему дню из нашей словесности.

Ценность мгновенного наблюдения за кособокими толчками истории, за блудливой жизнью, за мутирующим русским языком у Александра Покровского превращаются в интригующее повествование, в центре которого он сам – остроумец и насмешник, тончайший наблюдатель и дотошный котировщик, от чьего взора не укроется ни-че-го.

Александр Покровский
Арабески

Я не писал их по заказу. Они высказывались от души, и предметом избирал я только то, что сильно меня поражало.
Н. В. Гоголь «Арабески»

Ах, Россия, Россия, можно сказать даже, Русь. То ли тройки с бубенцами, то ли только бубенцы. И защитник в полотняных одеждах, а в руках у него то ли меч, то ли дрын.

И лежишь ты, никому не нужная, и все кажется, что из-за пригорка сейчас вылетит конница Бату-хана и полетят на тебя тучи стрел.

Все, что я скажу ниже, скажется стонущим, до жути монотонным голосом:

«Все умрут!»

Умрут правители, законодатели, члены парламента, члены Совета Федерации, просто члены какой-нибудь иной федерации, и просто не члены, и я, награжденный сверхъестественным видением будущих процессий, вижу только гробы, гробы и гробы не только до самого горизонта, но и далеко за ним.

Некоторые умрут, так и не достигнув пенсионного возраста, который те же самые члены собираются отодвигать в сторону увеличения, после чего народ будет выглядеть, как осел, снабженный морковкой для правильного движения в пространстве и во времени. Другие же умрут, так и не переместив средства за границу, или же они умрут, переместив и не воспользовавшись, что, по сути своей, есть одно и то же.

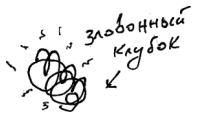
Так что, увидев по телевизору очередное лицо, радеющее за общее благо, – безотраднейшее из человеческих убеждений, судя по самому этому лицу, – я всегда ловлю себя на мысли, что все тщета, что не попало ему в желудок.

Но, к слову, и то, что попало ему в желудок, – не всегда витамин, так что сдохнуть-то ему придется, несмотря на инвестиции и бюджет.

И тут можно сколько угодно полагаться на артиллерию, каким бы точным и густо направленным ни была вся сила ее огня, на ракеты и на атомную энергетику– хер!

Хер – это буква старинного русского алфавита, смысл которой до сих пор неясен только ученым и младенцам, – считать ли ее частью слова «херувим» или «похерить» – но нам-то с вами все-все понятно, и мы вслед за Далем считаем, что сделать им «ноги хером», то есть «иксом», это почти ничего не сделать.

Так что постоянные размышления над каким-либо несчастием или бедствием в книге зародышевых зол, способным раскачать их скелет и спутать все волокна их тел в зловонный клубок, когда сила воображения, первичная теплота и влага, как и все остальные элементы, которым надлежит упорядочить их телесный состав, остывали бы и высыхали, составляют главную цель моего сегодняшнего существования.



Начальник в России вечен. Даже если его меняют, то это совсем не означает, что начальников тут стало меньше. Это означает, что сквозь меняемого прорастает новый начальник. Он растет, как молодой тополь, – нет ему преград, он ломает над собой даже асфальт, а потом он раскидывает всюду свои ветви, и глядишь, через какое-то время на месте одного начальника уже выросло целое дерево, где каждая веточка – это свой, отдельный начальник. Срежь его и поставь в воду – и вот он уже пустил свои корни, а макушка его украсилась молодыми веселыми листиками.

А меня теперь все радует.

Как только наши руководители что-то сделают или скажут, так сразу же и умиление.

Вот поехал премьер на Урал, чтоб о здоровье наших танков там справиться, так сразу же и умиление. А когда президент про энергосберегающие лампочки сказал или там о сокращении выбросов обмолвился, так у меня и вовсе случился пароксизм счастья – дисфункция какая-то с вегетативной нервной системой – и на тебе оно – счастье.

А все оттого, я считаю, что я очень долго размышлял на тему боеготовности: «Булава», «Синева», замена одной на вторую – ничего не получается. Получаются только три несчастных князя – Долгорукий (Юрий), Невский (Александр) и Мономах (Володя).

Дали они имена трем нашим подводным богатырям, и, похоже, остались эти богатыри без дубины. А заменить одну дубину на другую – «Булаву» на «Синеву» – это все равно что новых подводных богатырей выстроить. Так что самое время проверить, как там у нас с танками.

А с танками у нас почти так же, как и с самолетами. Су-37 (СУ-47, «Беркут») был обещан войскам в 1998–1999 годах, но в 2002 году опытный образец этого летающего чуда еще продолжал испытания и в полном одиночестве совершил 150 вылетов – нам есть чем гордиться. Теперь говорят, что он поступит в войска в 2010-м – ой, мама!

Так что ждем.

Мы много чего ждем, годами-десятилетиями.

Мы ждем чудо-вертолеты, чудо-лодки, чудо-автоматы и чудо-бронежилеты.

А пока мы это все ждем, надеваем иногда бронежилеты с убиенных в недавней войне грузин, и по нам тут же начинает молотить вражеская артиллерия, потому что на этих жилетах стоит опознаватель – «свой-чужой».

А еще у них там, глубоко на Западе, скоро поступит на вооружение стреляющий робот. Представляете? Выходит наш солдатик восемнадцати сопливых годков в чистое поле в одежде от Юдашкина и в кирзовых сапогах, а против него выходит робот, который тоже опознает «свой-чужой» и у которого патроны совершенно не кончаются.

Интересно, за кем будет победа?

Я полагаю, что победа будет за нами.

А почему?

А потому! Вдумайтесь: из 250 атомных подводных лодок, построенных когда-то Советским Союзом, у нас осталась сущая ерунда. Из надводных кораблей остались слезы какие-то, а от ударной авиации ВМФ вообще ничего не осталось.

А это время у них там, на Диком Западе, они перешли на атомный авианосец сразу же на электродвигателе!

А у нас если б и был атомный авианосец, то только на пару – паросиловой он был бы.

А для взлета с палубы они уже давно применяют не паровые катапульты, а электромагнитные. А у нас никаких катапульт нет.

Так что воевать мы, дети подземелья, будем с терминаторами.

Против них, говорят, хорошо бы использовать служебных собак, потому что по-другому этого робота от человека не отличишь.

Так что давайте все вместе чему-нибудь срочно обрадуемся, а?

Ах какая причудливая гипотеза – у нас не внедряется наука в производство!

То ли наука слишком уж высоко, то ли производство очень низко, но не внедряется.

А я полагаю, все дело в том, что внедряльщики у нас – это нечто.

Это просто шантрапа какая-то.

Те, кто должен подхватить из рук ученого вываливающееся от избытка изобретение, не обладают у нас космическим сознанием. Они вообще никаким сознанием не обладают. Вместо того чтобы взять и убить наповал одним ударом двух крупных зайцев (а возможно, и трех, если не четырех), они просто воруют из бюджета деньги.

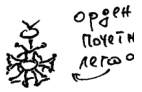
Нехорошо.

И президент так считает.

Столько враждующих между собой стихий будто с цепи сорвались и учинили дьявольскую свистопляску в каждом уголке нашего дома. Как сохранить ум среди бурь? Все перевернуто, все вверх дном. И при этом все время хочется сдать кому-нибудь эту страну в длительную аренду, а самому – в собственный замок, окруженный вековым лесом.

И чтоб при том в кармане непременно был орден Почетного легиона.

С ним Франция даже людоедов никому не выдает.



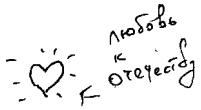
Мне никак не удалось сегодня сомкнуть глаз в постели. Мне и потом не удалось их сомкнуть, несмотря на то что я изо всех сил пытался это сделать, и я так и остался сидеть совершеннейшим сиднем с растаращенными глазами. А все почему? А потому что частным предпринимателям, открывающим свое дело в 2010 году и нанимающим для работы еще одного человека, удвоят единовременное пособие. В 2009 году оно составляло 58,8 тыс. рублей – есть от чего онеметь. Дали. В 2009-м. А в 2010 догонят и еще добавят!

Вот она – могутная Россия!

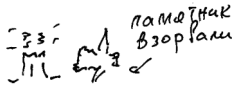
Непомерная аренда, инспекции, милиция, пожарники, местная администрация четверорукая с ее ненасытными ртами, налоги, бухгалтерия, пенсионный фонд и все прочие – все это будет потом, а сначала будут деньги.

А вот в Турции, к примеру, каждый предприниматель должен сдать ежегодно 5000 турецких тугриков налога. И на этом все – ни тебе инспекции, ни тебе милиции, но зато им денег не платят.

Пацаны рассуждают о том, как нам обустроить Россию. Уголовникам свойственна любовь к родимому Отчеству. Ранее все это отрицалось, конечно, но потом даже такой искусный логик, как я, сдался и признал свое полное поражение.



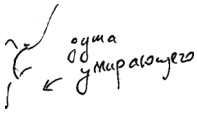
Трудимся в поте лица. Уже глаза заливает, не проморгаться, а все трудимся. В Грузии памятник взорвали на куски, так премьер наш сейчас же предложил восстановить его в Москве. Вот так. Живым, чтоб о них так печалились, следует только умереть.



Душа умирающего всегда дожидается попутного ветра, после чего она покидает этот мир без проклятий и богохульства.

Всюду открываются приемные президента России.

Вот так мы отвечаем на слухи об очередном приближении конца света.



Я на секунду только прервусь, чтоб подумать о матери. Не о той, конечно, матери, о которой все сейчас же подумали, читая эти строки, но о другой. У нас в Петербурге есть своя, отдельная мать. О ней и подумалось. Она заботится.

Тут недавно она выступала и сказала, что безработных у нас один процент.

Я сейчас не просто заплакал, я покрылся слезами весь – так меня проняло.

Так и хочется возвести в ее честь собор. И назвать его: Собор Питерской Нашей Матери.

Поездка в Самару называлась «зимний Грушинский». Я должен был прилететь в Самару, а потом мы должны были поехать в Похвистнево – небольшой городок в Самарской области. Встречи, разговоры, все такое. С Сережей Кур-Аджиевым и с Людой болтали. Люблю болтовню. Так, про все на свете. В Самаре сильный мороз – минус двадцать шесть. В Похвистнево – все тридцать шесть. У нас там выступление в Доме культуры. А разместят нас в бывшем пионерлагере.

Это тихий городок. И местный мэр тут ходит без охраны, и здоровается он со всеми встречными, и они ему кивают с улыбками. Мэр здесь свой. Он говорит, что заботится о своей малой родине. Есть у тебя родина, пусть даже малая, вот ты о ней и заботься, и тогда будешь ходить без охраны, и все встречные будут тебе улыбаться.

Мэр отремонтировал Дом культуры – очень хорошо он все сделал, уютно, теперь здесь театральная студия, театр, люди с цветами. Мороз, а они с цветами.

Саша Амелин, заслуженный артист, будет читать мои рассказы, девушка Ирина петь песни, а я буду отвечать на вопросы ну и просто так разговаривать.

Все читали и пели, а я болтал. Часа два. Всем понравилось, смеялись.

А потом мы уехали в пионерлагерь, где нас ждал ужин.

Это ужасно, когда надо столько есть. Обжорство – самый большой, как мне кажется, грех.

Но все говорили ни о чем, пели и опять – ни о чем. Амелин с Володей Колосовым пикировались, в промежутках обрушиваясь на Серегу Курт-Аджиева. Это такое возвращение в юность, в стройотряд. Саша Шулайкин притащил парное молоко.

Они все родом из студенческого стройотряда.

Студенчество не болезнь, не проходит.

В Похвистнево чистый воздух, мороз, мы замерзаем, все время что-то едим и песни поем.

Приехали какие-то охотники за кабаном и лосем. Убили и того и другого.

Расплодились кабаны, лоси, а волки заходят в деревни. Все расплодились, но я все равно не люблю охотников.

Мэр говорил, что ему не хватает денег на дорогу.

Были б у меня деньги, дал бы этому мэру, и он построил бы дорогу.

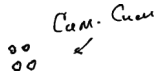
Хорошее тут место.

Я нисколько не противоречу нынешним. Я их люблю. Для меня они часть природы, а ее нельзя не любить, пусть даже она нища духом, не в себе или пьяна безбожно.

Удивительна слабость человека: стоит только какой-либо тезе подвернуться ему под руку, и он уже при всех своих стараниях все никак не может от нее отделаться.

Теперь у нас инновации – вот ведь какие дела, не поперхнуться бы, не изойти на икоту.

Это как «Сим-сим, открой дверь». М-да. Тут главное не перепутать, не сказать «ячмень».

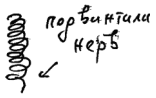


Что и говорить, мы подвинтили каждый свой нерв, каждый мускул на своем лице до необходимой точки.

Я мог бы рассказать вам множество самых занимательных историй о том, как у нас в России все складывалось и откуда тут взялась власть.

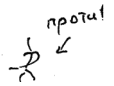
Но не буду.

Очень хочется еще пожить.



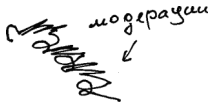
Всякому известно: против ветра нельзя… плыть, скажем так для благозвучия, – такая вдруг тебя охватывает гадость, доложу я вам, такая гадость, такая…

А у нас теперь собирают собачье дерьмо – цивилизация, знаете ли, накатила.



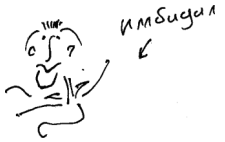
Выяснение этого вопроса было весьма назидательно, по крайней мере для тех, кто здесь хоть в чем-нибудь смыслит. Президент созвал их и спросил: «Ну как там?»

Ему ответили: «Ничего. Вот только с кризисом… хи-хи… а так, в целом, очень даже. Модерации вот только…» «Чего?» – спросил президент. «Ну, эти, – ответили ему, – как их, модерации…»



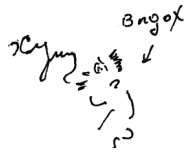
А ведь все зависит от величины. Но если взять ее и тут же поделить пополам, то уже и не так страшно, я думаю. Легко ведь только одним имбецилам – они все время счастливы.

Остальные же к этому состоянию только стремятся.



Хочется остановиться и замереть, не выражая желания двигаться дальше, после чего возникает не более чем рефлекторное движение, выдох, случайно принявший форму трехбуквенного ругательства.

Кое-что все еще дымится, конечно же, в верхней части наших потрохов, но в остальном наблюдается постепенное восстановление наших связей с действительностью.



А я знаю, почему мне не нравится милиция, проверяющая документы у таджиков. Я же воспитан на фильмах о Великой Отечественной войне, а там что ни фильм, то проверка документов: «Ахтунг! Аусвайс!» – и фашистский патруль проверяет документы ночью – холодно, голодно, сожженные деревни, вагоны с колючей проволокой, Бабий Яр, Освенцим, «Люди мира, на минуту встаньте!», истерзанное население, жизнь – никогда не знаешь, что будет в следующую секунду, и я, глядя на экран, всегда дрожал так, будто это у меня проверяют документы, а потом мне в лицо бьет яркий свет фонаря – мое лицо проверяют.

Любое несоответствие – расстрел на месте.

Так проверяли документы у моего отца в районе Бреста – он там три года в оккупации провел. Чуть замешкался – удар в зубы. Так что эта память генетическая, внутриутробная. Это потом уже она подкреплялась кинофильмами.

Все мои симпатии на стороне тех, у кого документы проверяют.

Так меня воспитали в Советском Союзе – все люди братья, а те, что тебя на улице изучают, – враги, к ним ненависть надо было испытывать. Ее и воспитывали.

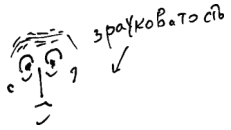
И воспитали в конце-то концов – «Ахтунг! Аусвайс!»

Христианские имена вещь вовсе не такая безобидная. Например, Владимир – «властелин мира» по-старославянски, а Михаил – «равный Богу», то есть божественный.

Так что первый будет осужден на вечные муки, а вот у второго еще есть небольшой шанс.

Тихий, тихий разговор. На пять тонов ниже естественного. Мерцающая зрачковатость и кашляющий взгляд, если только про взгляд и зрачковатость так можно сказать.

Ни за что не отгадаете, что он любит. Он любит Россию. Вот только не знаю, до завтрака или уже после.



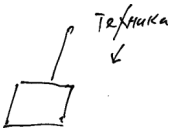
Горячность прямо пропорциональна недостатку подлинного знания. Так говорит нам классик.

Так что не будем горячиться, обсуждая снег, мороз, сосульки и сколько там снегоуборочной техники куда вышло.

Ну вышло и вышло. По Петербургу, как убеждают чиновники, ее аж 1200 единиц, не считая 300 самосвалов.

И действительно, кто ж их считает. Ну вышли и вышли.

Они вышли, а снег остался лежать.



Вот вышли в минувшее воскресенье автомобилисты и стали откапывать свои машины – и это сразу стало заметно.

И лопаты исчезли. В один миг раскупили в городе все лопаты.

В этой ситуации жалко только одиноких стариков. Их в Петербурге полным-полно. И бредут они по колено в снегу – еле тащатся.

А я говорил с одним чиновником. Что ж, говорил я, со снегом-то у вас творится? Где техника? Где все? То есть горячился я.

А вот он мне отвечал совершенно спокойно. Снег, говорил он, все равно ведь сам растает, а денег всегда жалко. На них дом можно купить. На Канарах, а то и сами Канары. Кто ж их на технику пустит?

Так что старики и старушки еще долго будут у нас по сугробам ползать.

Оставшихся в живых поздравят с Днем снятия блокады или еще с каким-нибудь днем.

Перетаскивал я одну такую старушку через сугробы, и она поведала мне, отдышавшись, что когда-то снег во дворах убирали два дворника. Один подтаскивал снег к канализационному люку, а другой орудовал газовой горелкой – топил ею этот самый снег, а вода сливалась в канализацию. Всего-то для очистки огромного двора нужно было несколько часов, баллон с газом и горелка. Вот такие примеры из истории нашего славного города.

А сосульки с крыш можно не сбивать ломом, ломая саму крышу, а растапливать горячей водой: шланг, кипяток из батареи – и через несколько минут все сосульки рухнут вниз.

И крыша целой будет.

А во время снегопада раньше всем во дворе раздавали лопаты, и люди помогали тем же дворникам.

Вот такие могут быть разговоры со старушками.

А еще я вспомнил, что существуют где-то тепловые машины ТМ-59 МГ – для очистки аэродромов.

Там реактивный двигатель стоит.

А есть и другие тепловые машины. У них такой же принцип работы, но только они очень мощные.

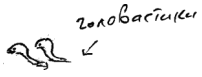
И создают они полосу сухого асфальта шириной до 5 метров при скорости 30 км в час.

Там струя в шестьсот градусов может быть. Она снег просто испаряет. Ревут они, конечно, сильно, но это можно потерпеть.

Ради старушек.

Как только я когда-то услышал об удвоении ВВП, так сейчас же и подумал: «Как же им все это удастся, ведь все порушено – нет связей, производств, науки, сельского хозяйства!»

А когда у нас стало два ВВП, я подумал: «Вот ведь как все просто! Почти как в садке с головастиками!»



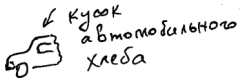
Человеческие какие-то лица появились среди первых вице-премьеров. Тут недавно видел одного нового вице – так, знаете ли, вполне. Это раньше они будто в масках были. Все тянуло сказать: «Масочку-то снимите в помещении!» А сейчас – нет, не тянет.

Споры о протяженности и границах атрибутов Божьих могут быть закончены.

А почему?

А потому, что цели всех этих споров, похоже, достигнуты, и такие передаваемые Богом в общее пользование атрибуты, как мудрость, истина и справедливость, уже добрались до нашего руководства – премьер открыл во Владивостоке автозавод Sollers.

То есть сначала с боями отнимали у дальневосточников кусок автомобильного хлеба, а потом подарили им другой – нате, пользуйтесь.



Премьеру даже предложили прокатиться на первом собранном тут образце автомобиля "УАЗ «Патриот» стоимостью в 850 000 рублей, или 28 720 долларов и 87 центов США, если считать по нынешнему курсу. И он прокатился.

А когда речь зашла о стоимости внедорожного предмета, то сопровождающие премьера вице-премьеры (Игорь Сечин и Игорь Шувалов) посетовали, что, мол, дороговато вышел этот самый «Патриот».

Да. Патриот нынче стоит недешево.

Но делать нечего. Ничего дешевого у нас, похоже, вообще не осталось. Ведь даже стоимость перелета из Москвы во Владивосток составляет 13 000 рублей, а туда и обратно – 22 000.

То есть новый автомобиль предлагается по цене 65 перелетов только в одну сторону и по цене 38 перелетов туда-сюда!

Вот поэтому жители Дальнего Востока предпочитают летать в Китай или же на худой конец в Японию. Дешевле и скидки есть.

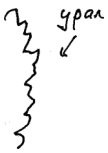
Можно вообще улететь в Поднебесную за сущую ерунду.

Вот и летают. И очень давно.

В этих краях уже выросло целое поколение молодых людей, которые, во-первых, бегло говорят кроме русского еще и на японском и китайском, и во-вторых, они уже множество раз бывали в Токио и Пекине и ни разу – в Москве.

Так что самое время строить заводы, дома, пароходы и вообще чего-нибудь прокладывать тут не очень китайское, но свое, родное, московское.

А то ведь завтра, глядишь, проведут черту по всему еще нашему пока Уральскому хребту, и никого это, похоже, по ту сторону хребта особенно не расстроит.



Как мало пользы в том, что мы сидим молча и неподвижно, между тем как буря бушует над нашими головами. Надо что-нибудь делать! Я только на какой-то незначительный миг остолбенел, как прекрасная статуя, а потом вскочил и бросил в потолок все, что попалось под руку. А под руку мне попался годовой отчет об исполнении федерального бюджета.

Не знаю, могло бы что-либо в природе принести мне такое облегчение, – столько вранья сразу шлепнулось на пол!

Ах, богиня Немесис, как любезно с вашей стороны предложить нам для успокоения использование внезапного импульса или иного порывистого движения.

Заметим, мадам, что мы так плотно живем среди загадок и тайн, что даже самые простые вещи, попадающиеся нам на пути, имеют очень темные стороны, в которые не в состоянии проникнуть самое острое зрение, и даже ясные и возвышенные умы среди нас теряются и приходят в тупик перед каждой щелью в произведениях природы.

При попытке сбить сосульки с домов в ЖЭС-2, что в Петербурге на Петроградской стороне, погибли два человека. Сорвались с крыш. Один проработал 23 года, другой был 23 лет от роду. Первый умер сразу, второй упал с крыши на рекламный щит.

Его отвезли в больницу, где он промучился часов восемь.

Почему для сбивания сосулек нужны какие-то героические усилия?

Потому что эти сосульки сбивают в России, а тут все – героические усилия.

За что ни возьмись – один сплошной героизм.

И героизм одних почти всегда преступление других.

А страховка, страхование жизни, здоровья на случай потери здоровья, кормильца, просто страховка – обычная, страховочный конец, который карабином крепится за специальный крюк, рым или я не знаю что? Где все это? Где выплаты родным? Где компенсация?

Я бы мог назвать это место, где пребывают у нас все страховки и компенсации, но только оно такое, такие для его описания существуют русские слова, что не дай вам бог.

Русский человек, как сказал когда-то классик, уж если что и назовет каким-либо словом, то нескоро то слово сотрется из памяти людей.

Потому что слова вырываются из уст самые что ни на есть правильные. Правильно все они описывают, эти слова, потому что рождены от мук.

Мучаются тут люди, вот поэтому и говорят они слова правильные.

Двадцать первый век на дворе – космос, последние достижения робототехники, Интернет, компьютеры, искусственный разум – а потом выходит человек в сапогах на скользкую крышу с ломом сосульки сбивать и падает с нее.

И ведь все, кто в нашем городе отвечают за жизнь и здоровье людей, лягут в день его смерти спать спокойно. Не посетят их чума и холера, не случится падучая или какая другая зараза.

Ничего в них не дрогнет, земля не разверзнется и адские языки пламени из нее не покажутся и никого не пожрут.

Все будет по-прежнему. Келейно и тихо.

«…А за жизнь человека вольного платить десять гривен серебра…»

Это Карамзин Николай Михайлович. «История государства Российского, том 3, глава 1, «Великий князь Андрей, г. 1169–1174».

Правда, сие указание от 1169 года касалось только людей вольных.

Кстати, корова в 1169 году стоила 0,8 гривны. То есть на 10 гривен можно было купить 12,5 коров. Это от 500 до 625 тысяч рублей на сегодняшние коровьи деньги.

Разве было в закромах природы, на чердаках и подвалах учености, на великих складах случайности хотя бы одно орудие, оставшееся не примененным для возбуждения нашего любопытства и разжигания наших страстей относительно того, как там, что там, где там?

Не было. Все было истрачено, потреблено, употреблено.

А все потому, что знать нам хочется, что там с итогами года и как его оценили президент и премьер.

И вот наконец узнали мы, что все-все хорошо. Год был непростой, прямо скажем, – нас то и дело трепала рука судьбы, но – счастье-то какое – все сделано правильно, вовремя, к столу.

Главное достижение – та школа, которую все прошли.

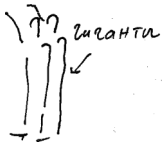
Конечно, осталось еще кое-что недоделанным, но все это по плечу нашим гигантам, великанам и исполинам. А если не дотянемся до плеча, то и остальные части их тела, полагаю, легко справятся с поставленными задачами.

Так что если что и трахнется, гакнется, гикнется, скажем, в самой середине наступающего года, то все это немедленно будет подобрано, вставлено и укреплено.

Так что я все макаю и макаю свое перо в чернила совершенно не для оправдания нашего неизменного поражения в любой отдельно взятой области человеческой мысли, как и во всех остальных областях сразу, но для того, чтобы написать панегирик. Кому? Им. Им панегирик. И я буду писать, и писать его совершенно без устали, без пития, без сна, без еды, без молитв и еще много чего без, дабы усладить изнуренных столь длительным ожиданием.

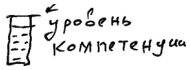
Осталось только придумать двадцать семь тысяч слов похвалы.

Одно я уже придумал – мо-лод-цы!

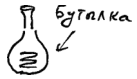


И это все о нем. О нем, о нем, о нем – сладкий он наш.

Все обсуждают его уровень. То ли компетенции, то ли еще чего. Но он неизменно высок. Столь героический склад характера обсуждаемого часто создает ему неудобство, естественно, но уровень – очень высок. Я бы даже со стула не приподнялся, если б он был низок.



Не поверите, как хочется иногда мне всех-всех направить на поиски той самой бутылки с бумажкой, в которой будет очень точно описано, где надо искать капитана Гранта.



Очень хочется. Всех. Направить и отослать. Туда.

А потом мне сообщают, что в этот, грядущий, вторник прибудет к нам премьер-министр Турции Тайип Эрдоган, чтоб, значит, рассмотреть «возможности развития многопланового партнерства между двумя странами и сотрудничества, основанного на традициях добрососедства».

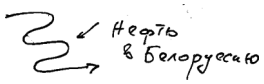
Вот ведь черт!

Ладно, капитан Грант может и подождать.

Сто тысяч карет! Столько же одноколок, подвод, телег и розвальней!

Начали подавать нефть в Белоруссию! Начали!

Несколько недель я не мог спокойно спать – все думал: дадут или не дадут, все смотрел в глаза умнейшему вице-премьеру Игорю Се., стараясь угадать по их выражению дальнейшую судьбу поставок. И вот – фух! – свершилось.



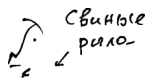
Я считаю, что должна возникнуть процессия – с хоругвями и попами в золоченых одеждах, а потом – все миряне и миряне с лицами благостными – кто будет идти сам, а кого будут вести под руки. Потом в уме почему-то возникает погост, потом кокос, потом – звон колокольный, и все это движется к катастрофе этой самой моей повести, что я тут вам начинаю рассказывать.

Почему я говорю о катастрофе? Потому что повесть об отношении наших с Белоруссией задумана мною как великое эпическое произведение, где обязательно есть не только катастрофа, но и прочие перипетии, обрывы и страдания, свойственные драме: протасис, эпитасис, катарсис, перемешанные, сменяющие и вырастающие друг из друга в том порядке, что установил еще сам великий Аристотель, да будет ему царствие небесное и пух вместо праха!

Так что ждите.

Обязательно напишу.

Рожи и свиные рыла – всюду только они, и никакого тебе утиного кряканья. И чавкают, чавкают, а еще они за границу ездят делать педикюр.



А теперь мы быстренько приближаемся к настоящему ужасу: доченька Ельцина все пишет и пишет – она обучилась наконец этому делу. О папеньке пишет и вообще о жизни.

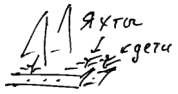
Она тут написала, что папенька был, в общем-то, необычайно хорош, только вот жизнь была очень сложна, так что многие от нее отошли, ушли и переехали.

Подозреваю, в Англию – дети, клубы, самолеты, яхты, дома.

Праведным образом все это заработали и переместились.

Теперь хотят возрождения России.

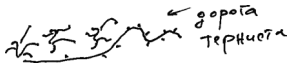
Видимо, деньги кончились.



Все построились и идем пешком – дорога терниста и далека. Впереди – ангелы, архангелы, за ними – текущие руководители, к которым допустили теперь крупный бизнес, а потом – остальные в пыли и в беспорядке, как попало, не попадая в шаг, путаясь в белье. Все высыпали с восходом на большую дорогу встречать очередное солнце.

К чему это все я? Это все я к тому, что премьер допустил крупный бизнес к управлению государством. Шохин всего этого добился. Шохин – фамилия у него такая. Шохин – хочется повторять и повторять. Долго бился – и вот поди ж ты!

Ох и зашагаем теперь!



12 января был День прокурора. 12 января 1722 года указом Петра Великого при Сенате был утвержден пост генерал-прокурора. Им стал Ягужинский Павел Иванович. Соратник Петра. Многие считали его шельмой, и бороться он должен был с казнокрадством.

У Павла Ивановича было целых два недостатка – он был умен и честен, а за Сенатом он наблюдал так лихо, что никакой дополнительной жизни Сенату не стало. Скучно стало. Чуть взятка или растрата – так и топор. И наблюдал Павел Иванович за всеми прокурорами: какой из них проворовался, так и расплата – просто, знаете ли, будто бы речь и не о России идет. Просто житья не стало «разорителям Отечества».

Со смертью Петра Великого Ягужинский удержался на плаву одной лишь ловкостью.

При Анне Иоанновне был в милости, потому что вовремя переметнулся от заговора «верховников», желавших ограничения самодержавия, на сторону императрицы.

Решительный и способный, «друг истинный и враг явный» умер в 1736 году.

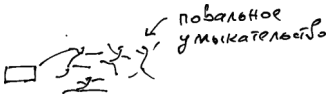
С его смертью прокуратура упразднена не была, хотя желание такое посещало многих.

Что же касается личности Павла Ивановича, то поиски аналогов таковой на посту генерального прокурора не прекращаются в России и по сей день.

– Ассалом! – вскричал я, полный и сердечных, и душевных, и всяких избытков, когда узнал, что Архангельску, Козельску и Пскову присвоено звание «Город воинской славы».

Президент при этом сказал мэрам этих городов много разных слов, среди которых были и такие: мало чтить подвиги предков, надо заниматься возрождением России.

«Интересно, – подумал я после этого своего восклицания, – и как мы ее будем возрождать среди повального умыкательства?»



Видимо, одно другому совершенно не мешает. Возрождение – само по себе, а умыкательство – само. Это такие непересекающиеся линии, а лучше сказать, миры, когда до обеда, допустим, ты воруешь, а после обеда возрождаешь. Так что обед превращается в некую границу, водораздел, с утра – бесовское, а как поели, так и святое – накатило, знаете ли.

После чего хочется понять, что же повлияло – мясо или овощи на то, что захотелось все-таки возрождать, а не продолжать тихо тибрить.

Как только возникла мысль, так и бросилось ему в лицо около литра крови.

Во всем есть аллегорический смысл.

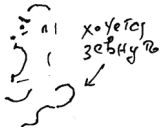
Вы еще не видели его лицо?

А еще президент утвердил «план оптимизации МВД».

– Зря ты насторожил свои уши! – сказал один проезжий своему ослу. Ну не пулеметами же эту оптимизацию будут проводить.

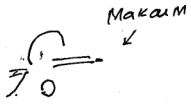
То есть – все пустое.

Хочется зевнуть и опорожниться, а потом опять зевнуть и опорожниться. Это все это оттого, подозреваю, что я наслушался речей.



Снова и снова выходит он на сцену, чтоб участвовать и в прологе, и в эпилоге.

Это я все еще о президенте. Он вчера стрелял из «Максима», так что именно это деяние мы можем считать прологом, хотя вполне оно сойдет и за эпилог.



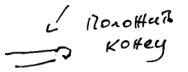
Дело в том, что речь там шла о новых образцах военной техники, мол, хорошо бы, чтоб она бронированная была и все такое прочее, а потом и до «Максима» очередь дошла, из которого они с удовольствием и потатахали.

То есть старое, времен Гражданской войны, вызывает улыбку и удовольствие, а новое – одни только замечания и раздражение. Так и хочется по этому поводу чего-нибудь выкрикнуть. Например: «Наши „Максимы" себя еще покажут!»

А все-таки хорошо, что так все закончилось, что не отрикошетило ничего и никого там не убило.

Меня всегда радует, если в ходе демонстрации наших достижений никого не убивает и все заканчивается разрешением путаницы – этой неизменной спутницы всякого рода демон-

страций – и переходом героя из состояния волнения и неконтролируемого кривляння в состояние строгого покоя душевного.



Тут бы и положить конец – такой большой и продолжительный.

Конец его страданиям. То есть есть где-то страдания и есть их конец. Так вот его и хочется положить.

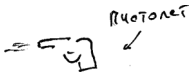
События и страсти вызрели настолько, что готовы взорваться в пятом акте пьесы.

Полковник милиции застрелил водителя снегоуборочной машины. Водителю было шестьдесят лет, а полковнику – тридцать девять. Просто отцеубийство, знаете ли. И убийца – главный специалист отдела материально-технического и хозяйственного обеспечения Центра тылового обеспечения Главного управления МВД России.

И обеспечил он себя прежде всего внедорожником на честно заработанные, который и столкнулся со снегоочистителем.

А потом оказалось, что каким-то непостижимым образом он был уволен из МВД за сутки до столкновения.

Вот ведь как! Обзавидуешься! Вот это чутье у кадровиков!



Силы наши могутные явно пошли на убыль. Фортуна. Но мы могли бы выкарабкаться. Из всей этой груды дерьма полуденного.

С помощью различных корябушек.

16 января 1820 года капитан 2 ранга Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, при рождении Фабиан Готлиб Тадеус фон Беллинсгаузен, происходящий из остзейских немецких дворян, настоящий русский мореплаватель, на шлюпе «Восток» и лейтенант Михаил Петрович Лазарев на шлюпе «Мирный» подошли к берегам Антарктиды. Именно им принадлежит честь открытия этого континента. 751 день плавания, 29 островов в Тихом и Атлантическом океанах. Подготовка обоих шлюпов – двойная обшивка, утепление, проведенные под руководством Лазарева, принесла свои плоды: русские моряки прошли там, где отступили все остальные. Это был день и год славы России.

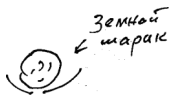
16 января 1918 года на III Съезде Советов донской казак Шамов выдвинул лозунг «Грабь награбленное».

И тот и другое – история.

Ужасное и великое тут всегда шли рука об руку.

Несмотря на весь свой оптимизм, будущего для России я не вижу.

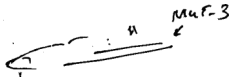
Чтобы увидеть будущее, надо просто научиться держать земной шарик в руках. Вот возьмите мысленно Россию и представьте ее в своих руках… Представили? Ну и как?



Мне прислали одну историю с фотографией. На фотографии Герой Советского Союза майор Яков Иванович Антонов из 25-го истребительного авиационного полка в немецком плену. Он окружен германскими летчиками, которые с интересом слушают своего пленного коллегу. Видно, что разговор идет профессиональный.

25 августа 1942 года Антонов, выполняя задание по прикрытию штурмовки немецкого аэродрома под Моздоком, был сбит. По советским документам он погиб. На самом деле сбитый командиром 77-й немецкой истребительной эскадры (JG 77) майором Гордоном Голлобом Антонов выпрыгнул с парашютом, удачно приземлился и был захвачен в плен. Знаменитый немецкий ас Гюнтер Раалль в своей книге «Моя летная книжка» описывает пленение Антонова (при этом почему-то приписывая эту победу Голлоба себе):

«21 сентября 1942 года во время второго вылета мне повезло – около половины пятого я сбил Миг-3 совсем недалеко от нашего аэродрома. Его пилот сумел выброситься с парашютом и спастись. Унтер-офицеры моего штаффеля сразу же поехали на машине к месту его приземления, чтобы захватить его.



Русский приземлился на одном из огромных подсолнуховых полей, которых в этих местах было множество. Он был быстро окружен, но его сумели взять только когда он расстрелял по нашим все патроны из своего пистолета, к счастью, не причинив никому вреда.

После того как ему обработали резаную рану на лбу, которую он получил, выпрыгивая из самолета, его доставили ко мне. Я как раз находился у радиомашины, слушая переговоры пилотов.

Русский чертовски юн, так же, как и большинство из нас, – ему едва за двадцать. Свои прямые светлые волосы с высокого лба он откинул назад, чтобы освободить место для двух огромных компрессов, покрывающих его порезы. В умных карих глазах в равной степени отражается и гордость и разочарование. На его губах играет легкая улыбка. Его грудь украшают три ордена, из которых мне известен только один – он называется «Герой Советского Союза».

Так вот как они выглядят на самом деле – представители монгольских степных орд, как представляет их пропаганда, те самые недочеловеки, к которым недопустимо гуманное отношение! Перед нами воин, который сразу же вызывает уважение у любого, кто сам является воином. Я тогда саркастически подумал, что порой с врагом тебя может роднить большее, чем с некоторыми людьми из твоего окружения.

Капитан Антонов боится. Предложенную сигарету он сразу же отложил нетронутой в сторону, но когда я сам закурил одну, он немного расслабился. Наш чай, холодный и свежий, но налитый из чистой бензиновой канистры, вызывал у него недоверие, пока я на его глазах не выпил чашку.

Мы нашли одного фельдфебеля-переводчика и сидели вместе, разговаривая о нашем воздушном бое, об идущей войне.

Мой противник прекрасно держится и полон достоинства. Он не делает ни малейшей попытки заискивать или втираться в доверие. По его словам можно понять, что политофицеры в ВВС рассказывают о нас то же, что и в Красной Армии. Пропаганда порождает

ненависть, ненависть рождает жестокость, жестокость порождает новую пропаганду. Чертов замкнутый круг.

Советский летчик остается у нас еще несколько дней, так как нет возможности его отправить. У нас нет ни желания, ни возможности держать его под замком. Под ответственность нашего штаффеля он получает довольствие, как любой другой летчик, и может свободно перемещаться по аэродрому (у деревни) Солдатская без постоянного надзора. При таких условиях он и не пробует бежать, оценивая такое отношение с нашей стороны, вопреки всем предписаниям. Своим побегом он причинит нам неприятности и понимает это. Позже мы посылаем его с Ju-52, везущим раненных в лазарет. И тогда он использует удобный случай. Как – мы не знаем точно. Но капитан Антонов точно не прибыл в место назначения. Скорее всего, он воспользовался немецкой шинелью из тех, что перевозили на том Ju-52, чтобы затеряться и бежать. Но то, что Антонов пережил войну, – я знаю точно из официальных русских источников».

Хотя Гюнтер Рааль ссылается на некие «официальные русские источники», но о послевоенной судьбе Антонова до сих пор ничего не известно.

Кстати, в люфтваффе никогда не любили нацистов, и даже такой нацистский экземпляр, как Геринг – ас и кавалер высшего ордена за Первую мировую войну – вынужден был с этим считаться. Интересна одна его фраза, прозвучавшая когда-то как ответ Гиммлеру по поводу увольнения из Министерства авиации и ВВС тех, кто имел еврейскую кровь: «У себя я сам буду решать – кто еврей, а кто нет…»

Нацистов в люфтваффе чурались. К примеру, у них был ас-штурмовик – «немецкий Маресьев», с которым не очень водились по той причине, что он был ярым наци. Правда, летал он круто и концу войны уничтожил суммарно дивизию танков. Летал на Ю-87 («Штука» или «Лапотник») и клал на спор бомбу прямо в открытый люк танка.

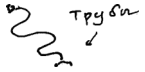
17 января 1861 года американец Томас Крэппер запатентовал биде.

Россия к этому времени еще не отменила крепостного права.

Маргарет Тэтчер как-то обмолвилась, что для управления трубой в нашей стране хватит и 15 миллионов.

Цинизм – он же для понимания происходящего.

А еще для понимания происходящего подходят сказания.



Например, такое: жила-была одна планета. И жили на ней трубачи и атавары. Трубачи с помощью труб выкачивали природные богатства, а атавары были частью природы, и связаны они были специальным разъемом с той природой через ту картошку, которой они питались. И до поры до времени все находилось в гармонии: одни качали, а другие ели свою картошку и гадили под себя – и все это было природой.

Трубачей сначала было очень мало, а потом их становилось все больше и больше, и вот уже их стало настолько больше, что атавары начали им мешать.

Так началась великая война трубачей с атаварами.

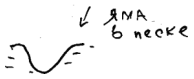
О чем это я? Да так, ни о чем.

А еще для понимания происходящего хорошо бы представить Россию в виде демографической ямы в песке. С запада – миллиард, с востока – миллиард четыреста миллионов, а в середине узенько-узенько – почти в десять раз меньше – 140 миллионов.

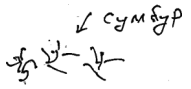
Все же стремится к выравниванию.

Особенно песок.

Хлынет и с запада и с востока. Обязательно. Слишком велик перепад.



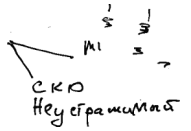
«Империя! Империя! Суверенная! Император! Самодержец! Помазанник! Русь! Православие! Истинно! Истинно! Лучшее в мире войско!» – это самое оживленное место во всем моем повествовании – сумбур и ночная суматоха. Не стоит обращать на него особого внимания. Я всего лишь воспроизвел то, что царит в головах наших национал-патриотов.



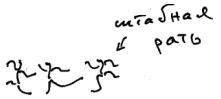
Я вконец обессилен тревогами чувствительного сердца: СКР «Неустрашимый» прошел Суэцкий канал и вошел в Аденский залив, где он должен сменить БПК «Адмирал Чабаненко». Я как-то писал, что после очередного ремонта СКР получил неустранимый дифферент на нос в 5 градусов, поэтому я сразу же и поинтересовался: как там с этим дифферентом обстоят дела.

Заводские сказали: «Так с ним и ушел», – что, конечно же, никто и никогда не подтвердит. На самом корабле под угрозой расторжения контракта изъяты все мобильники, что, наверное, говорит о соблюдении военной тайны.

В любом случае хочется пожелать ребятам удачи в этом походе, чтоб все вернулись из него живые и здоровые.



Еще вести с Балтики. Вся штабная рать Балтийского флота пребывает в глубочайшем волнении – штабы переводят из Калининграда в Балтийск. То есть жди омоложения штабов – возить туда-сюда из Калининграда в Балтийск штабных никто не собирается, а жены в Балтийск не поедут, так что ждем – скоро все помолодеет и ветром развеется.



Разведка России долго сопротивлялась развалу, оставаясь во власти горя и неизвестности.

Горя от ума, конечно, потому что это единственная служба, где нельзя было проскочить на одних только связях – родственных и дружественных. Нужен ум, к наукам рвенье.

Но ничего не стоит на месте, а оставленное без внимания здание обречено.

Разрушается оно. Энтропия.

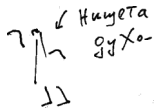
Выстраивается десятилетиями, а рассыпается за сущую ерунду.

Полагаю, всех интересовала собственность нашей разведки – а там есть собственность, и еще какая, уверяю вас.

Вернее, была.

А после того как начала исчезать собственность, и сама разведка стала нищать.

Духом прежде всего. Самая большая нищета – это нищета духа. Пришли другие люди, и наступила нищета. Агентуру сдавали, где только можно: Западная Европа, Восточная Европа, Азия, США, Латинская Америка. Всех сдали – провалы, провалы, провалы. По всему полю. Нет ничего. Столько лет все это создавалось по крупицам – теперь почти ничего не осталось.

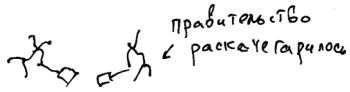


Правда, не так давно наш премьер обеспокоился системами связи и разведки. Выяснилось при этом, что мы сильно отстали. А саму разведку теперь решено реформировать. Сольют. То ли ГРУ с СВР, то ли СВР с ГРУ. То ли служба внешней разведки будет старшей, то ли наоборот, и все будет очень обходительно.

М-да.

Как писали в прошлом: «Любезность вашего обхождения не обманула меня относительно вашего сердца, вы примчитесь ко мне с той же быстротой, с какой вы от меня бежали, но как бы вы ни спешили, вы поспеете только для того, чтобы увидеть меня умирающей».

Трудно, однако. Правительство в прошлом году раскочегарилось, как заметил президент, не сразу, но потом, как отметил все тот же президент, все работало и работало. Над экономическими вопросами, конечно. Ну просто паровоз какой-то, и КПД у него есть.



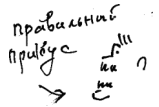
Тут совещание недавно прошло в присутствии первого лица, так все дружно на нем говорили этакие вещи, после которых невозможно даже представить, каким это образом мы все время оказываемся в том самом месте, откуда, выбравшись, хорошо бы сейчас же серьезно помыться.

Даже не знаю. Столько всего сделано!

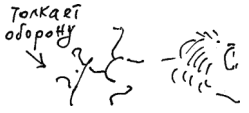
А вы не скажете, кто у нас министр этой самой промышленности? Кто-нибудь его видел? Жив ли он? Здоров? Сохранил ли правильный прикус? Постель у него мягкая? Размножается? Дети есть?

Все это меня очень сильно волнует. Совсем изнемог. Тут кризис на дворе – а он где-то ходит, чтоб не сказать, что он шляется.

Ты где, Диего?



Кстати об обороне. И что это за оборона такая, если заказами на нее, родимую, занимается сам президент? Почему он «толкает в разные места, чтобы хоть как-то деньги прошли»? Это как что? «Как же вы покинули меня за то, что я так заблуждалась»?



И справедливы ли мои подозрения относительно того… а впрочем, знавал я одну такую оборону. Ее потом вандалы разорили.

Инвестиционный климат меня потряс. Никакого потепления насчет Российской Федерации. Не понимаю, с чем это может быть связано. Возможно, у нас до сих пор туалеты на улице, где мы и гадим вдохновенно?

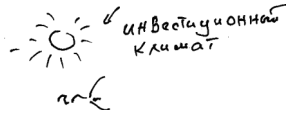
При подобных потрясениях проза не в состоянии так облегчить душу, как это может сделать поэзия.

Итак:

На дворе то дождь, то стужа,
Никому теперь не нужен,
Климат, мать его ети!

Стихи, надо заметить, вышли очень естественные.

Пойду обольюсь слезами.

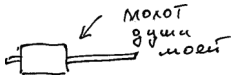


Да, чуть не забыл. Президент «не исключает возможности ратификации Россией Протокола № 14 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод».

С 2004 года нас это смущало, но не прошло и шести лет, как поди ж ты!

Я в полной мере испытываю на себе могущество наисильнейшего из всех неугомонных желаний – любопытства. Хочется все-таки знать, а чего это мы шесть лет метались, как отравленные крысы, пребывая в бурных припадках, а потом все же не «исключаем для себя возможности» вернуться на дорогу, давно уже проложенную свободолюбивым человечеством?

Молот души моей! Сердца наши зажглись. Из самого дна их вырвался крик. Настоящего специалиста назначили! Его назначили на Кавказ, и он сейчас же сказал, что управление этим делом представляется ему и легким, и динамичным. Все сегодня в моем доме, включая хомячиху Клаву, лягут спать спокойно, без обычной порции пустырника.



Охлопонин была фамилия нашего чудесного избавителя, парадиз нас побери!

Называйте его именем своих детей и любимых животных!

Присваивайте его же школам, улицам и неизвестным растениям!

А я всегда говорил: дайте! Дайте настоящим помпадурам настоящего помпадурского дела, и они не подведут. И вот дали! Наконец-то!

Волнение насилу утихло, уступив место гордости за наше все.

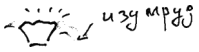
«Главный национальный координатор России по делам СНГ вице-премьер Игорь Шувалов был принят президентом Узбекистана Исламом Каримовым».

Судя по изгибу спины, нашему вице пришлось нелегко. Каримов выглядел как статуя Будды, а наш – как маляр, вздумавший перед открытием ее людям чего-то там в ней подваять и подмандить до того, как распахнут занавес.

«Президент России дал указание послу России на Украине Михаилу Зурабову приступить к своим обязанностям».

До этого момента господина Зурабова от Украины берегли.

Я бы тоже берег его. Это настоящий изумруд в короне нашей империи.



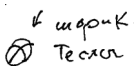
Уго Чавес заявил, что США на Гаити применили новое сейсмическое оружие. Результат всем известен. И еще он заявил, что об этом ему сообщил штаб Северного флота России. В штабе СФ это отрицают.

Меня спросили, что я об этом думаю. Я знаю, что сейсмическое оружие существует или почти существует. Еще легендарный Тесла однажды с помощью небольшого шарика вызвал землетрясение в Нью-Йорке. Все дело в резонансе. Шарик так его организовал, что здания зашатались, а стекла из окон посыпались. Тесла остановил свой эксперимент тем, что расколотил шарик молотком. Правда, потом все это отрицалось множество раз. Говорилось, что все это не там и не так все поняли великого изобретателя.

Работы по изменению климата велись. Ведутся ли они сейчас – не знаю. Думаю, что да. Военные от своих идей так просто не отказываются.

Все это было давно, и много воды с тех пор утекло, но работы с тех пор, полагаю, не сворачивались.

Безумие, конечно, так и земной шар можно расколоть, о чем, кстати, сам Никола Тесла и говорил. Он заявлял, что может это сделать, но дал ли он ключ от всего этого безумия в руки военных, – не знаю. Знаю только, что Тесла очень быстро прозрел и понял, что сделают военные, попади им в руки такое оружие.



Он прозрел так, как и Эйнштейн, показавший как-то всему миру свой язык.

Эйнштейн сжег все свои записи и не оставил учеников. Многие ученые так и поступали.

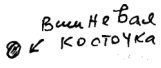
Прозрели ли к сегодняшнему дню военные и политики?

Не уверен. Поэтому все возможно.

Во всяком случае, рвение США в восстановлении Гаити очевидно.

Мне говорят, что нет сегодня в России людей государственных.

Вишневая косточка всем вам в горло!

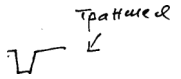


Несмотря на то что эти рассуждения вот как справедливы, все равно хочется воткнуть вам в горло, господа, вишневую косточку.

И чтоб все вы подавились, взбираясь на гласис.

Вы не знаете, что такое гласис? Это ничего. Вот когда подавитесь, тогда и узнаете.

Сущая правда, ваша милость, сущая правда, нет у нас людей! Хоть стой по колено в траншее, хоть бросайся на брешь, хоть врывайся в неприятельские ряды, опрокидывая обороняющихся, хоть не врывайся, выставив вперед свой костыль, – ничего у нас нет.



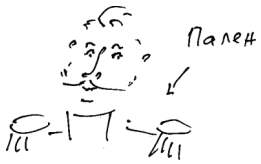
Тут недавно я сравнивал Наполеона с Александром I (Благословенным) по некоторым параметрам – масштаб личности, например, или емкость души. Так, знаете ли, проиграл наш Александр Наполеону, по моему разумению, в семидесяти пяти случаях.

А почему? Из-за психологических травм: бабушка ненавидела папу, а вокруг ходил Пален.

У нас, когда бабушка ненавидит папу, то всегда рядом бродит какой-то Пален.

Результат – черви точат душу, аки зоилы цветок. Вместе с душой они и государство точат.

Уже который век.



У Вахрушева Валерия Васильевича вчера был сердечный приступ. Этот человек уже много лет ждет, что его защитит государство, и все никак не дождется. У него в январе 2004 года убили единственного сына. В Екатеринбурге все это случилось. В ста метрах от дома. Сыну угрожали, а потом и убили. И угрожал ему сотрудник правоохранительных органов. А потом тело изувечили, и все дело представили как ДТП.

Все это время Валерий Васильевич вместе со своей женой ходит по прокуратурам, судам, милициям и хочет всего лишь возбуждения дела по убийству не вследствие ДТП, а по простому, обыкновенному убийству с нанесением тяжких телесных повреждений, с привлечением подозреваемого к ответу.

А в прокуратуре ему прямо сказали: «Да. Это убийство, но вы все равно ничего не докажете. Кому вы нужны?»

И действительно, кому нужен капитан второго ранга запаса, в прошлом подводник, который Родину защищал, ходил в походы подо льды Арктики, жизнью своей рисковал? Никому.

Он использованный, отработанный материал, а все эти предположения, что Родина, страна, Россия, государство что-то такое еще ему и должно, – ложные и неправильные.

А правильные предположения: никто тебе ничем не обязан, а все свои проблемы ты решаешь сам – с помощью самосуда. Берется в руки ствол и решается. Мне даже сказали в одном месте: «Да что ты! Давно все решается самосудом!»

Вот ведь как! Страна ты, страна! Оказывается, все очень просто: обидели тебя, унизили, оскорбили, близкого тебе человека изувечили и убили – выход только один: ствол.

А в муравейнике с муравьями обходятся гораздо справедливей. Там, во-первых, никакому муравью не придет в его муравьиную голову убить своего же муравья, а во-вторых, муравьиная матка их всех породила, выкормила, вырастила, и потом они ее защищают. И всегда муравей может рассчитывать на свою матку и на своих сородичей – сберегут, встанут, грудью заслонят.

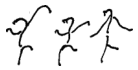
А здесь – не встанут и не заслонят.

Так что, собираясь защищать матку, всегда стоит себе представить последствия.

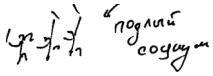
Тебя бросят, подставят в любую секунду, предадут, откажутся и сдадут врагам.

Устраивает тебя это? Готов ли ты и после этого защищать Родину?

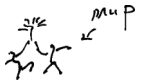
Если готов, то – браво! Ты – настоящий патриот своего непростого Отечества.



Неандертальцы погибли оттого, что их съели кроманьонцы. Первые были умнее и сильнее, вторые глупее, но их было больше. Неандертальцы жили семьями, кроманьонцы – стадами. Стадо победило семью. Ум победила хитрость. Восторжествовал подлый социум. Об этом надо помнить всякий раз, произнося: «человек разумный».



Это мне нравится: наши руководители хотят помирить Азербайджан и Армению. Думаю, тут у них что-то получится, а вот помирить милицию с собственным народом – никогда.

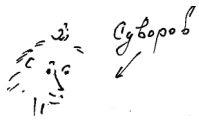


«Мы – русские! Какой восторг!» – воскликнул как-то Александр Васильевич Суворов.

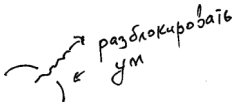
«Мы – русские! Казак или калмык – едино все, мы – русские, в единстве наша сила!» – напишет в XVIII веке неизвестный поэт.

«Мы россияне, мы разобщены» – а это уже современность.

Всюду говорят о какой-то модернизации. Бредут по тундре толпой голые и босые, со вскрытыми консервными банками в руках – вот что мне видится сразу после слов о модернизации.

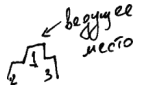


Ежегодно в Петербурге празднуют «День снятия блокады». Такое впечатление, что какую-то блокаду все-таки сняли. Осталось разблокировать ум.



В Петербурге много теперь говорят о чистке снега. Снег выпал уже как месяц, а впечатление от этого события все никак не тускнеет. То один чиновник, то другой с увлечением говорят о сосульках, что невольно обнаруживает их истинное призвание.

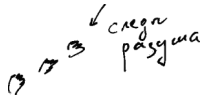
При такой обширной эрудиции до ведущего места в мировой экономики рукой подать.



Попробуйте десять раз подряд броситься на кровать, а потом встать и посмотреться в зеркало. Если на вашем лице после всех этих упражнений сохранятся следы разума, то самое время назначать вас министром. Господин Сурков должен возглавить российскую группу «Гражданское общество». После этого она направится в США. Там, в частности, она будет обсуждать с американцами проблемы коррупции.

Я всегда мечтал, чтоб нашей коррупцией занялись не наши органы, но я и предположить не мог, что противная сторона так себя назовет.

Самое время проверить собственное сознание. Пойду брошусь на кровать.

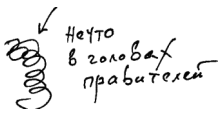


Мне рассказали, что при вырывании котлована под электростанцию тут у нас недалеко замерзли целых три экскаватора. И вот собрались на краю огромной ямы все топ-менеджеры этого грандиозного проекта и начали орать. А внизу, в яме, киркой и лопатой в это время работали два таджика. Нет надобности сообщать сведущему читателю, что в мороз хорошо роется только в результате внезапно наступившей модернизации.

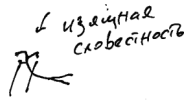
25 января в городе Париже в Российском центре науки и культуры состоится открытие Российско-французского студенческого форума. Наш губернатор, Валентина Ивановна Матвиенко, уже там. Ей еще и диплом должны вручить. От ЮНЕСКО. Диплом премии Мадан-джита Сингха за распространение идей толерантности и ненасилия.

Я считаю, что все это очень вовремя. Потому как за строительство «Охта-центра» тот же ЮНЕСКО собирается переводить Петербург из списка объектов всемирного наследия в другой список – объектов, находящихся под угрозой.

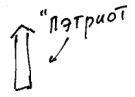
В головах наших правителей постоянно вертится нечто, мешающее им управлять государством. Я бы хотел знать, что именно, чтобы бросить все силы на устранение этого недостатка. А все потому, что я хочу, чтоб они правили и правили – вот ведь какая штуковина!



Торговля и промышленность в полном упадке – лежмя лежат, но если послушать наших министров, то все идет как по маслу Вот потому и хочется знать: что это за масло такое? Где оно, как оно? Почему? Каким образом? Тут недавно выступал один и говорил об образовании. У нас косноязычием все страдают в самой тяжелой степени, а он говорил о достижениях в области изящной словесности. Порой мне кажется, что в разумении у нас только я.

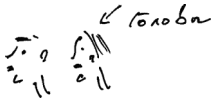


Увы! Увы! Все крепости наши пали, но вот одна, как сказали, еще держится – это Балтийский флот. Его надеются усилить, чтоб, значит, ответить на размещение в Европе ракет «Пэтриот». Предлагаю усилить его генеральскими телами. Грудьями особенно. Взять несколько генеральских грудей и разместить. Прямо напротив «Пэтриотов».



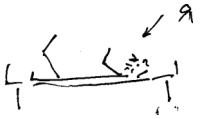
Все это из области семейных предрассудков. Тут я о победе рассуждаю. Что у нас за победа такая? О, у нас много побед. Но есть одна, Великая Победа. Это победа над мусором. В головах. Его решили оттуда убрать, и это решение – уже победа. Осталось только составить список голов, нуждающихся в подобной очистке.

Первые десять фамилий вы знаете, остальные интереса не представляют.



Я пролежал поперек кровати все воскресенье, вытянувшись. Сказать вам заранее, чем все это у нас закончится, значит испортить одну из лучших повестей в христианском мире.

Подождем. Еще не все сожрано.



О военной реформе сегодня не говорит только ленивый.

Некоторые спрашивают: как происходит реформа, и другие им сейчас же отвечают, что, мол, никак она не идет, а то, что идет, называется по-другому.

Могу всех успокоить – воруют. Везде воруют, и это не новость.

Новость – среди воровства захотелось модернизации.

В государстве Российском воровали всегда. Воровали и до государства Российского, и во время Советского государства, и особенно после его развала.

И все это в возрастающих размерах. И все это в размерах ужасающих, потрясающих всякое воображение, в том числе и неизлечимо больное.

Воровали и при Рюрике и без Рюрика, воровали при Батые, при Иване Калите, при Иване Грозном, при Петре, при Николае Первом и Втором, при Сталине, при Брежневе, при Горбачеве, Ельцине, Путине. Теперь воруют при Медведеве.

Почему воруют? Потому что в нашем Рязанском государстве всегда существовал человек, стоящий над законом – князь, царь – это как угодно.

Этот человек мог позволить себе любое беззаконие – вот вам и настоящая причина воровства.

Один неподсуден – нет справедливого суда. Суд – всего лишь право сильного.

А если царю можно все, то его вельможи возьмут себе только небольшую часть его беззакония. А все нижестоящие чиновники – часть от их части.

И так – до последнего городового.

И вот когда все уже наворовались, захотелось вдруг узнать: как там идет военная реформа? Блин!

Взятка – как единственная вразумительная мотивация.

Откат – как двигатель общественного прогресса.

И при этом еще и военной реформы хочется?

Того и гляди захочется роста боеготовности, а там и до возрождения воинской чести недалеко.

Может быть, я сплю? Мне все это снится? И сплю я в сумасшедшем доме?

Потому что когда мне говорят о возрождении кодекса чести офицера, мне кажется, что я слышу все это от умалишенного.

Об Александре Маринеско. 30 января 1945 года тремя торпедами С-13 торпедировала лайнер «Вильгельм Густлоф». На лайнере были курсанты, будущие немецкие подводники, и беженцы – в основном женщины и дети. Цифры приводят разные. В последнее время считается, что подводников было 3700 человек, а беженцев чуть ли не 10 000. Выжили только 1239 человек. Из них только 419 беженцев. Детские головы тяжелее остального тела, поэтому, как говорили очевидцы, поверхность моря была усеяна детскими ножками.

У нас Маринеско считается героем, в Германии – военным преступником.

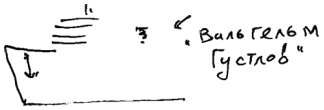
Так кем же он был на самом деле – Александр Маринеско?

Александр Маринеско был командиром подводной лодки. Командир – это тяжелый труд. Это смерть все время выглядывает из-за плеча. Ты ждешь ее каждый день, каждый час. И каждый раз ты должен быть к ней готов. Ее надо встретить подобающим образом. На командира смотрит экипаж. Как будет умирать командир, так и экипаж будет умирать.

И еще командир – это жизнь, это надежда. Он ведет людей в море, в бой, и он должен их из боя вывести. Это его обязанность. Живыми вывести.

Мало было таких командиров, что приводили свои лодки назад. Балтика – это компот из мин. А еще – охотники. Они свое не упустят. Не все приходили. Маринеско приходил.

И людей приводил. Живыми. Экипаж на него молиться был готов. Командир Маринеско был на своем месте.



Это не он потопил «Густлофа». Это Бог позволил ему утопить этот лайнер. Маринеско топил не беженцев. Он топил тоннаж. Война шла. Есть враг – топи. Тут все превращается в оружие – твои мысли, нервы, сердце стучит в висках, пот течет. Это не торпеды уходят в воду, это ты уходишь вместе с ними. Торпеды и подводники – это одно и то же. Это они, вместе, вонзаются в корпус корабля и рвут его на части. Люди – звери, хищники, волки. Это охота. Это война – самая гнусная штука на всей земле.

Стал бы Маринеско торпедировать лайнер, если б на нем был красный крест и он был бы выкрашен в белый цвет? Не знаю. Не уверен. Думаю, что нет.

Он был воином, а не шакалом.

О небо, какое ты странное существо! Тебе возносятся слова о стране, а ты являешь сознанию картины кровавого ужаса, где кружатся, сцепившись в последней схватке, люди, потерявшие всякое обличье. Какая причудливая картина извивов и путей, а в конце всех концов – Хронос, пожирающий своих детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.